

трогался: крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; они на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ, душевнымъ качествамъ. Отъ этого чортэнтанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи я, періодически, получаю письма, сидя у себя въ Россіи за писаніемъ книги ¹⁾.

¹⁾ Позволю себѣ привести одно изъ писемъ, полученныхъ мною въ С.-Петербургѣ отъ чортэнтанскихъ монаховъ, годъ спустя по возвращеніи моемъ изъ путешествія. Подлинное написано на китайскомъ языкѣ, съ котораго извѣстный синологъ П. С. Поповъ перевелъ на русскій. Вотъ оно:

„Великаго Россійскаго Государства Посланнику Козлову, Князю Казнакову и маіору Ладыгину.

Удостоившись знакомства съ Вами, я проникся къ Вамъ чувствомъ искренней преданности. Со времени разлуки съ Вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о Васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеленый тростникъ покрылся туманомъ и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о тѣхъ мѣсяцахъ (о Васъ), какъ будто бы они находились и какъ запретить духу переноситься чрезъ пространства. Съ почтеніемъ вспоминая о Вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ благовѣщенія облака (отличія) покроютъ Васъ, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаетъ указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ Вашими Превосходительствами, которые широко распространяютъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей.

Для Вашего удовольствія могу сообщить Вамъ, что я и братья здоровы.

Я имѣю къ Вамъ почтительнѣйшую просьбу. Въ половинѣ шестой луны со станціи Чжэнь-цянъ изъ Ши-мынь-коу вдругъ прибыло нѣсколько десятковъ милиціонеровъ, одѣтыхъ въ форменное платье и съ ружьями; они начали охотиться, а тангуты стали препятствовать имъ въ этомъ. Произошла ссора, во время которой милиціонеры заявили, что у нихъ есть проходное свидѣтельство. Тангуты подошли осмотрѣть его; въ немъ было обозначено „Командиръ Ганьсуйскаго передняго батальона“, но только годъ, мѣсяць и число оказались несоотвѣтствующими. Благодаря туземцамъ дѣло окончилось мирно. Но милиціонеры затаили влѣдствіе этого злобу; а 16 числа 6 луны вечеромъ пропали изъ кумирни 13 мѣченыхъ лошадей. Я подалъ просьбу въ чайное и конное управленіе Пинъ-фаньскаго уѣзда о немедленномъ отысканіи лошадей; но прошло болѣе мѣсяца и не было добыто никакихъ точныхъ данныхъ. Я думаю, что это милиціонеры по злобѣ украли. Конечно это обстоятельство можетъ служить для нихъ извиненіемъ, но насколько это вѣрно я не знаю. Неоднократныя мои просьбы едва ли бы содѣйствовали возвращенію лошадей. Принимая во вниманіе Ваши добрыя отношенія ко мнѣ, я подумалъ, что не будетъ бѣды, если я, прикрываясь Вашимъ вліяніемъ, подамъ жалобу о скорѣйшемъ разслѣдованіи дѣла, о чемъ во избѣжаніе оплошности, предварительно довожу до Вашего свѣдѣнія. Теперь мною подана слѣдующая просьба: „между пропавшими кумиренными лошадьми было еще двѣ хорошихъ лошади, оставленныхъ для отдыха Россійскимъ Посланникомъ, за которыхъ мнѣ положительно трудно нести отвѣтственность. Поэтому во избѣжаніе таковой отвѣтственности, умоляю о скорѣйшей поимкѣ ихъ“. Я полагаю, что въ виду этого